

DOI 10.5862/JHSS.251.14
УДК 94(410)

С.А. Васильева

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ПАМФЛЕТЕ Б. МАНДЕВИЛЯ
«РАССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН УЧАСТИВШИХСЯ КАЗНЕЙ В ТАЙБЕРНЕ»**

Проанализированы композиция и идейное содержание малоизвестного произведения английского философа-моралиста первой четверти XVIII в. Бернарда Мандевилля (1670–1733) – памфлета «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» (1725). Выявлено отношение его автора к современной ему системе английского уголовного правосудия. Рассмотрено целостное представление о преступнике и преступности в общественном сознании в то время. Б. Мандевиль в своем памфлете дал шокирующее описание шествия приговоренных к смертной казни к месту экзекуции и провел глубокий психологический анализ поведения толпы и преступников. Философ обосновывает предположение, что причины роста преступности сокрыты в особенностях общественного отношения к этому феномену, т. е. социально обусловлены. Он критикует представителей власти за «позорные переговоры» с преступниками, а современников – за «ложный гуманизм» и равнодушие по отношению к ним.

АНГЛИЯ; XVIII ВЕК; ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ; БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ; ПРЕСТУПНОСТЬ; НАКАЗАНИЕ.

Географическое название местечка Тайберн – в XVII–XVIII вв. деревушки в графстве Мидлсекс близ Лондона – стало в английском языке частью специфических идиом и пословиц, связанных со смертью. Еще со времен средневековья Тайберн был официальным местом проведения публичных казней, поэтому пожеланием идти «дорожкой до Тайберна» (*to take a ride to Tyburn*) прочили человеку незавидную участь, «властителем Тайберна» (*Lord of the Manor of Tyburn*) нарекали потенциальную жертву «тайбернского дерева» (*Tyburn Tree*) – трехногий виселицы, приспособленной для казни нескольких преступников одновременно.

На казни в Тайберне собирались рекордные толпы зрителей: так, в 1776 г. свидетелями исполнения приговора стали 30 тыс. человек, а в 1767 г. – 80 тыс. любопытных. Для желающих

увидеть казнь сооружались деревянные трибуны, некоторые гильдии в день экзекуции даже давали выходной мастерам и ученикам. Изначально публичность смертной казни предположительно несла дидактические функции, как бы напоминая собравшимся: за совершенное преступление неминуема виселица. В предвзятой работе палача пламенной проповеди пуританский священник, совмещая понятия земного правосудия и небесной кары за грех, пугал толпу «пучиной вечных страданий, в которую погружается душа грешника». В начале XVII в. лондонский купец завещал Церкви Святого Гроба Господня, находившейся напротив печально знаменитой лондонской тюрьмы Ньюгейт, колокол, чтобы он «звонил всякий раз, когда процессия осужденных к смертной казни направлялась в Тайберн, напоминая о

подготовке к вечности» [1, с. 1]. Однако столетие спустя устрашающий эффект виселицы и эшафота был окончательно утрачен, а «ярмарка Тайберна» (*Tyburn Fair*) превратилась в красочное шоу, своеобразный городской праздник-карнавал. Характеризуя нравы лондонцев XVIII в., крупнейший знаток социальной истории Англии Дж. Тревельян отмечал: «Англичане всё еще любили присутствовать при наказании тех, чьи действия они не одобряли» [2, с. 377].

В 1725 г. был напечатан памфлет английского философа-моралиста Бернарда Мандевила (1670–1733) «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» [3]. В отечественной научно-исследовательской практике идейное наследие одного из величайших мыслителей английского Просвещения Б. Мандевила не удостоено должным вниманием. Между тем философские проблемы, которые публицист затрагивает в своих эссе, заслуживают глубокого интеллектуального анализа. Мандевил — мыслитель, «остро чувствовавший пульс своего времени», — работал на стыке философии и художественной литературы и зарекомендовал себя не только как глубокий философ и экономист, но и как незаурядный психолог. Философско-этические и социально-политические взгляды Б. Мандевила впервые «открыл» для советского читателя сотрудник Института философии АН СССР А.Л. Субботин в биографическом очерке из серии «Мыслители прошлого», вышедшем в 1986 г. [4]. Сам автор называл свою работу «книгой о книге» [5, с. 5], так как предложил детальный философский анализ главного сочинения Мандевила — знаменитой «Басни о пчелах». Рассматриваемый нами памфлет упоминается в труде А.Л. Субботина всего один раз — в разделе «Даты жизни и деятельности» [Там же. С. 11].

Творчество великого просветителя получило высокую оценку в работах современного историка И.М. Эрлихсон, которая в серии статей провела серьезный социокультурный анализ взглядов Мандевила и впервые ввела в научный оборот не переводившиеся ранее на русский язык его памфлеты и философские эссе [6, 7]. Однако памфлет «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» Эрлихсон пока не рассматривала в своих трудах, из чего можно сделать предположение, что данный шедевр публицистической деятельности Мандевила

еще не известен российскому исследователю. Этот памфлет сложился из серии писем, опубликованных на страницах «Британского журнала» в 1725–1726 гг. До 2010-х гг. он был практически не известен широкому кругу читателей и не переиздавался как отдельное произведение. В 2011 г. электронная версия памфлета была размещена в полнотекстовой базе архивных документов «Проект Гуттенберга» [3], а в 2015–2016 гг. несколько частных издательств выпустили его отдельным изданием, но ограниченным тиражом. Можно с уверенностью заявить, что данный трактат никогда не переводился на русский язык в отличие от других, более известных произведений писателя-философа. Попробуем провести анализ произведения в социально-культурном контексте эпохи и открыть российскому читателю еще одно уникальное произведение из богатого идейного наследия английского Просвещения.

Колоритное и «завораживающее до жути» описание «ярмарки Тайберна», приведенное Б. Мандевилем на страницах памфлета, шокировало даже современников, которые неоднократно становились невольными или намеренными участниками этого зрелища. Автор начинает с предположения, что грешника в день казни, казалось бы, должно постигнуть раскаяние: от преступников ожидаемы чувство глубокой печали, состояние замкнутости в себе, молчание, признаки совестных мук или вполне понятное тревожное беспокойство. Но налицо прямо противоположная картина: беспрестанный гомон голосов, брань, крики, часто громкий смех, выкрики проклятий доносятся из каждого угла тюрьмы Ньюгейт. Дорогу из Ньюгейта в Тайберн осужденные на смертную казнь преодолевали на повозках, ведомых волами. Мандевил дает подробное описание первого появления повозок из ворот тюрьмы. Их встречает радостно возбужденная толпа, для которой «ярмарка Тайберна» — часть зрелищного шоу. Как бы между прочим, отмечает автор, в толпе своим ремеслом занимаются шлюхи, могут сцепиться и пустить в ход кулаки провокатор и спровоцированный, дешевое сомнительное пойло щедро предлагают на всем пути из Ньюгейта в Тайберн [Там же]. Обязательно найдется кто-то, кто будет расшвыривать трупы кошек, собак и прочую «грязно-пакостную мерзость», стараясь попасть в того зеваку, у которого пла-

тье почише и побогаче на вид, — это тоже часть ритуала дороги в Тайберн.

Памфлетист обращает особое внимание читателя на одно обстоятельство: заключенным на каждом шагу из толпы протягивают алкоголь, а те стараются выпить по возможности больше, чтобы заглушить свой страх, поэтому процессия останавливается несколько раз (в последующих главах памфлета Мандевиль еще вернется к разбору этого момента и даст тонкий психологический анализ ситуации). Если на казнь едет какой-нибудь особый «ветеран» преступного мира, продолжает автор, молодежь, рискуя порвать одежду и переломать кости, лезет через толпу, чтобы пожать руку «властелину Тайберна». С приближением к виселице экзальтация зрителей возрастает: бывали случаи, когда зеваки, затоптанные толпой, погибали раньше тех, кто по приговору едет навстречу своей смерти. Приговоренные к смертной казни стараются не обмануть ожидания толпы: последнее слово готовится тщательно и иногда даже зачитывается с листа. Содержание предсмертной речи варьирует от неистового раскаяния и покаяния в стремлении вымолить прощение перед Богом и людьми до откровенной дерзкой бравады и насмешки над властями, причем последнее случается гораздо чаще [3].

Четвертая глава памфлета Мандевиля содержит анализ «ложных суждений, возникающих от созерцания предсмертного поведения приговоренных к казни». Публицист высказал интересное предположение: причина участвовавших казней в Тайберне может быть сокрыта, в том числе, и в поведении толпы, которая побуждает преступника к проявлению смелости и аплодирует «хорошей смерти». Мандевиль назвал такое поведение «соучастием во Зле» (*an accessory Evil*). Для человека, осознающего ценность жизни, размышляет автор, нет страха, равного по могуществу страху смерти. Истории многих христианских мучеников, которые с готовностью и кротостью, сродни настоящему мужеству, принимали смерть в огне или других муках, сформировали отношение к проявлению твердости перед лицом смерти как к добродетели: «Таким образом, святые мученики страдали мужественно за веру и, обладая секретом пути к вечному счастью, поспешали к смерти с готовностью, и даже радовались разговаривавшемуся пламени» [Там же]. Ввиду этого укоренившегося

архетипа, считает автор, публика, с одной стороны, восхищается стойким принятием смерти преступником и восклицает: «Хорошо умер!», с другой — осыпает оскорблениями тех, кто цепляется за жизнь, приравнивая слезы к малодушию. В этом Мандевиль видел извращенность отношения толпы к принятию смерти: стоит ли рукоплескать негодяю, который, не раскаившись, «смело погружается в пучину вечных страданий»? Страх смерти можно побороть не только благостью, как в случае принятия смерти святыми, но и гневом, гордыней и другими страстями. «Почему же тогда толпа радуется несокрушимости злодея в его бесчестии?» — недоумевает Мандевиль. В то же время, продолжает нить размышлений философ, публика осуждающе освистывает проявление скорби и слезы узника, которые как раз и могут быть признаками не малодушия, а истинного раскаяния.

Б. Мандевиль выказал уверенность в том, что страх смерти испытывает каждый, и даже тот, кто принимает смерть с бравадой, но страх быть трусом в глазах толпы заглушает робкие всплески совести и последний шанс подумать о приготовлении души к другой жизни. Именно в этом памфлетист видел объяснение жадной тяги преступников к алкоголю по пути в Тайберн — стремление утопить в нем свой страх и мысли о смерти. Психологию толпы, пришедшей на казнь, Мандевиль сравнивает с состоянием опасной экзальтации, в которую впадали первобытные люди во время массовых человеческих жертвоприношений. Самое ужасное, продолжает автор, что с окончанием работы палача зрелищное действие не заканчивается. Разворачивается новый акт — сцена перебранки за тела повешенных между гильдией врачей-хирургов, которые предъявляют право на анатомическое изучение тел казненных, и представителями родственников или «преступного клана» повешенного, требующими предать земле непоруганное тело [Там же].

Анализируемый памфлет открывался публике не сразу, а по частям. Это позволяло автору держать читателя в напряженном внимании к проблеме. Представив на суд просвещенной общественности описание шествия в Тайберн, памфлетист взял небольшую паузу перед репрезентацией своей оценки ситуации. В последующих главах Мандевиль пытался донести до общественности и представителей власти мысль о

том, что открытое зрелище «ярмарки Тайберна» и вызываемый ею ажиотаж как раз и способствуют учащению публичных казней. В то время как это последнее путешествие должно символизировать приготовление к другой жизни, в то время как зрители должны пораженно молчать перед торжественным ужасом вечности, шествие в Тайберн вызывает прямо противоположный эффект: пьяная разнузданная толпа предвкушает смачное зрелище. Всё это, на взгляд публициста, только развращает публику.

В своем трактате Б. МанDEVИЛЬ придерживался убеждения: наказание, особенно исполнение высшей меры, непременно должно стать закрытым процессом, так как от его публичности уже нет ожидаемого превентивного или дидактического эффекта. Впоследствии знаменитый французский философ-криминолог М. Фуко наречет вторую половину XVIII столетия «эрой карательной сдержанности», когда наказание постепенно станет наиболее скрытой частью уголовной процедуры [8]. Таким образом, можно предположить, что МанDEVИЛЬ в своей работе интуитивно почувствовал вектор развития системы исполнения наказаний в последующий период, не смотря на то что его время вошло в историю как «эпоха „Кровавых кодексов”» и публичных казней.

Бернарда МанDEVИЛЯ не без основания считают философом-моралистом, подчеркивая лейтмотив его произведений – скандальное и сатирическое осуждение общественных нравов, обличение всеобщей порочности и плутовства. А.Л. Субботин предложил следующую оценку взглядов просветителя: МанDEVИЛЬ был, наверное, первым из английских философов и моралистов, кто подверг это двуликое сознание своих соотечественников едкой и беспощадной критике и показал, с каким моральным отчуждением связаны их свобода, собственность и благополучие [5, с. 23]. Подтверждение суждения А.Л. Субботина мы находим на страницах памфлета «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне». Анализируя причины роста преступности в столице в начале XVIII в., МанDEVИЛЬ обращает внимание на порочную схему борьбы с этим социальным явлением. В главе «Возвращение воров по кражи¹ во избе-

жание наказания как порождение нового преступления» он изобличает причудливые формы расследования имущественных преступлений. В случае «громкого хищения» особо ценного ювелирного украшения, произведения искусства, иной материальной ценности всегда есть шанс возратить украденное, обратившись в «канцелярию Джонатана Уайлда²». Владелец, утративший драгоценную вещь, давал объявление о пропаже в газету с просьбой вернуть за вознаграждение, и тогда «контора Уайлда» возвращала ценность за «комиссионные» [3].

Безусловно, в обстоятельствах, порожденных разветвленным преступным миром столицы и практическим отсутствием полиции, последняя предпочитала сотрудничать с агентами такого рода, так как это гарантировало хоть какие-то шансы вернуть украденное. Комментируя состояние полиции и правосудия в XVIII в., Дж. Тревельян саркастически заметил: «Действительно является чудом, что наши предки вообще могли охранять общественный порядок и частную собственность» [2, с. 376–377].

МанDEVИЛЬ справедливо усмотрел в такой практике порочный круг: кража – посредничество мошенников – успешное возвращение через обогащение безнаказанных мошенников – соблазн последующей кражи. Эту цепочку он назвал «компоновкой нового преступления» (*Compounding of Felony*): побуждение нищих и карманников красть из чужих карманов и своеобразная гарантия безнаказанности за содеянное. Но вину за сложившуюся ситуацию памфлетист возлагал не на правоохранительные органы, а как раз на «двуликое сознание своих соотечественников». МанDEVИЛЬ подвергает разбору возможные мотивы тех, кто, по его мнению, косвенно способствовал росту мелкой преступности: «Я буду дураком, скажет некто, если не попытаюсь вернуть свою ценную вещь, пусть даже за вознаграждение... Лучше потерять

¹Перевод английского устоявшегося понятия Theftbote.

²Джонатан Уайлд – знаменитый английский преступник, «воролов». В истории криминального мира остался ярким примером «синтеза несочетаемого» – преступник и борец с преступностью. Руководил преступными бандами, занимавшимися кражами, а после возвращал краденое за крупное вознаграждение законным владельцам. Сотрудничал с полицией, попросту «сдавая» соперников и не подчинившихся его власти воров.

часть, чем всё... Я ничего не могу поделать с фактом существования воровства, подумает другой, так если мне хотя бы удастся вернуть свое, — это всё, что мне нужно. Что мне с того, что бедолагу повесят?... Третий сердобольно скажет, что готов был бы и в десяток раз больше потерять, лишь бы не быть причиной чьей-то смерти» [3]. Такое отношение можно счесть за «преступное бездействие», когда хозяин имущества, получив вещь обратно, на радостях стыдливо закрывает глаза на то, каким путем к нему вернулось это имущество.

Позицию полиции Мандевиль безусловно осуждал за «позорные переговоры с ворами», но позицию общества критиковал гораздо суровее за ложный гуманизм на грани безнравственности. Он подчеркивал свойственную высшему классу «моду на филантропию», в том числе по отношению к убогим, нищим, узникам и преступникам. Но, рассуждает философ, филантропия не будет иметь должного эффекта «на рыхлом фундаменте» общественного отношения к феномену преступности. Бернард Мандевиль происходил из семьи врачей, он даже защитил диссертацию по медицине, но в своих трудах задавался символической целью — препарировать человеческие пороки. Рассматривая «разрушительные последствия платы за покражу», автор обрушивает критику на тех, кто готов скорее вернуть свое за вознаграждение, поощрив тем самым дальнейший рост преступности, нежели придерживаться четкой позиции о неотвратимости наказания за преступление, пусть даже ценой утраты своего имущества безвозвратно. «Эта проблема, — рассуждает Мандевиль, — также заслуживает пристального внимания мудрецов, и мне хотелось бы, чтобы те, кто наделен излишним состраданием к мелким преступникам, задумались, не обернется ли их несвоевременная жалость еще большей жестокостью впоследствии» [Там же]. Памфлетист приводит пример малолетнего жулика, который рано вкусил ощущение безнаказанности за преступления. От раза к разу его злодеяния становились всё изощреннее, преступное ремесло затягивало, и шансов дожить до среднего возраста у него становилось всё меньше. Его судьба предначертана, и выбор невелик: делиться большей частью награбленного с «вышестоящими рангами» преступного мира и тем самым быть вы-

нужденным непрерывно грабить либо, дерзнув, проявить лидерство, быть преданным своими же «товарищами по цеху» и оказаться «властителем Тайнберна». В глазах Мандевиль общество косвенно виновно в том, что не предоставляет этому молодому человеку шанса и возможности вырваться из порочного круга преступления, проявляя к его судьбе смесь жалости и равнодушия.

На самом деле современная Мандевиллю система английского уголовного правосудия представляла собой «нелогичный хаос законов». С одной стороны, список преступлений, караемых смертной казнью, в течение XVIII в. постоянно пополнялся и достиг рекордных размеров — почти 200 видов, что послужило основой для выражения «эпоха „Кровавых кодексов”». С другой стороны, с учетом «моды на гуманизм и филантропию» присяжные часто отказывались признавать людей виновными в мелких преступлениях, понимая, что это может привести преступника на эшафот. Так, например, в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни в Англии были приговорены 35 тыс. человек, но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров [9, с. 9]. По замечанию Ч. Беккариа, известного пенитенциариста, наказание в восприятии преступника становилось «сродни азартной игре, в которой всегда есть шанс его избежать» [См.: 10, с. 26]. Во второй половине XVIII в. Беккариа обстоятельно обосновал фундаментальный закон уголовного правосудия: осознание преступником неотвратимости и незамедлительности даже незначительного наказания гораздо эффективнее, чем страх перед более суровым наказанием, которого можно избежать. Представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что Б. Мандевиль предвосхитил положения классической пенологии — науки об исполнении наказания. В своем памфлете он призывал общество оставить «ложную филантропию» и малодушное желание вернуть свое и, заняв твердую высokonравственную позицию, придерживаться принципа справедливого и неотвратимого наказания.

Таким образом, Б. Мандевиль, глубокий философ, грамотный экономист [11], тонкий психолог и талантливый публицист, может встать в один ряд с основателями гуманистического направления в пенологии. Предуга-

дав и даже обозначив направление эволюции уголовно-исполнительной политики Англии в XVIII в., философ, опередив С. Ромилли на полвека, практически подошел к обобщению важного положения о социальной обусловленности преступления и влиянии общественной среды на состояние и динамику преступности. В предисловии к памфлету он так обозначил свою задачу – выдвинуть на обсуждение просвещенной общественности вопрос о «корректировке» методов исполнения уголовных наказаний. Публицист несколько утопично грезил о заманчивой конечной цели своего труда – повышении эффективности наказания и сокращении числа потенциальных преступников.

Тем не менее Мандевиль самокритично признавал, что не тешит себя иллюзиями, что его работа кардинально изменит ситуацию и сможет предотвратить неуклонный рост преступности или способствовать удержанию «мелких ворюшек» от соблазна преступной жизни. Однако, представив анализ социально-психологической природы «ярмарки Тайберна» и сформулировав свои предложения по организации исполнения наказаний, просветитель поставил вопрос о гуманизации уголовного правосудия. Во второй половине XVIII в. Англии суждено было стать пионером, примером и даже учителем для других европейских стран в практике реформ уголовно-исполнительной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Throness L.** A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot: Ashgate, 2008. 379 p.
2. **Тревелиян Дж.М.** Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.
3. **Mandeville B.** An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725) // Free ebooks by Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (дата обращения: 01.07.2016).
4. **Субботин А.Л.** Бернард Мандевиль. М.: Мысль, 1986. 136 с.
5. **Субботин А.Л.** Бернард Мандевиль. М.: ИФРАН, 2013. 111 с.
6. **Эрлихсон И.М.** Памфлет Б. Мандевиля «Благоразумные аргументы в защиту государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 66–87.
7. **Эрлихсон И.М.** Проблема истинной веры и атеизма в английской публицистике первой половины XVIII в. («Свободные мысли о религии, церкви и национальном благоденствии» Б. Мандевиля, 1729) // История. 2014. № 10 (33). URL: <http://history.jes.su/s207987840000898-6-1>.
8. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
9. **Gatrell V.** The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1994. 656 p.
10. **Maestro M.** Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1973. 179 p.
11. **Блауг М.** Мандевиль Бернард // 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономикс, 2008. С. 198–199.

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИИ России.

Россия, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1
e-mail: VASI-SVETLANA@yandex.ru

S.A. Vasileva

THE PROBLEMATIC OF PENAL REFORMS IN ENGLAND IN A PAMPHLET "THE ENQUIRY INTO THE CAUSES OF THE FREQUENT EXECUTIONS AT TYBURN" (1725) BY B. MANDEVILLE

The article is focused on the less-known work "The Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn" by Bernard Mandeville, an early XVIIIth century English philosopher and moralist. The analysis of the pamphlet's style and ideological content reveals the author's attitude to the English system of criminal justice in the early XVIII century. The study tests a comprehensive author's view of the perception of the offender and crime in the public consciousness. The author of the pamphlet presented a shocking description of the procession of the condemned man to the place of execution at Tyburn and conducted in-depth psychological analysis of crowd behavior and criminal's conduct. Bernard Mandeville justified the assumption that the causes of crime are based in the peculiarities of social attitude to this phenomenon, i. e. socially determined. Mandeville criticized the authorities for "shameful negotiations" with thieves, and disapproved contemporaries for "the false compassion of the tender-hearted" and indifference towards felony.

ENGLAND; XVIII CENTURY; SOCIAL THOUGHT; BERNARD MANDEVILLE; FELONY; PUNISHMENT.

REFERENCES

1. Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, Ashgate, 2008. 379 p.
2. Trevelyan D.M. *Sotsial'naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii* [English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk, Rusich Publ., 2002. 624 p. (In Russ.)
3. Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725). Free ebooks by Project Gutenberg. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (accessed 01.07.2016).
4. Subbotin A.L. Bernard Mandevil [Bernard Mandeville]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 136 p. (In Russ.)
5. Subbotin A.L. Bernard Mandevil [Bernard Mandeville]. Moscow, IFRAN Publ., 2013. 111 p. (In Russ.)
6. Erlikhson I.M. [The pamphlet "A Modest defense of public stewes" by Bernard Mandeville: its aim and genre]. *Dialogue with Time*, 2011, no. 37, pp. 66–87. (In Russ.)
7. Erlikhson I.M. [True Faith and Atheism in British Social and Political Essays of the First Half of the 18th Century (B. Mandeville's "Free Thoughts on Religion, the Church and National Happiness", 1729)]. *Electronic scientific and educational journal "Istoriya"*, 2014, no. 10 (33). Available at: <http://history.jes.su/s207987840000898-6-1>.
8. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 479 p. (In Russ.)
9. Gatrell V. *The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868*. Oxford, 1994. 656 p.
10. Maestro M. *Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms*. Philadelphia, Temple Univ. Press, 1973. 179 p.
11. Blaug M. [Mandeville Bernard]. *100 velikikh ekonomistov do Keynosa* [Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past]. St. Petersburg, Ekonomikus Publ., 2008. Pp. 198–199. (In Russ.)

VASILEVA Svetlana A. — *Academy of Penal Service of Russia*.

Sennaya ul., 1, Ryazan', 390000, Russia

e-mail: VASI-SVETLANA@yandex.ru